

Иосиф Леонидович, «Школа современной пьесы» пятнадцать лет. Срок для театра немалый. Сопоставим идею и ее воплощение: соответствует ли то, что создано, тому, что вами задумывалось?

— Работая в «Современнике» и в Театре на Таганке, я тем не менее хотел иметь свое дело, где определял бы творческую программу. Ни в коем случае не хочу бросить тень на «Современник» и Таганку — там все замечательно было организовано; и я счастлив, что работал в этих театрах в их лучшие годы. Но в то же время — да простят меня великие и любимые учителя Галина Борисовна Волчек и Юрий Петрович Любимов — я понимал, что актеры могут играть иначе и что многое я бы делал по-другому. И для этого мне нужен свой театр. Я то и дело пытался создать такой театр: вместе с Анатолием Васильевым и Борисом Морозовым мы создали театр на Мытной, потом за несколько лет сделали театр Станиславского. В конце 80-х мне стали говорить: пора бы вам, Райхельгауз, стать главным режиссером. И тут я, как ни странно, заупрямился: не хочу идти в старый театр, хочу все начать с нуля. «Школа современной пьесы» — это театр с нуля...

— Вы сказали, что хотелось бы сделать иначе, виделась иная игра актеров. Чего здесь больше — творческого видения или честолюбия?

— А разве одно противоречит другому? Убежден: каждый человек — автор и творец жизни, которой живет. Творец быта, которым окружил себя, дела, которым занят. И это применимо ко всему: от самых простых житейских забот до высоких проявлений духа и воли. Все, что окружает человека, — результат его желаний, устремлений, воли. И он достоин — своих детей, своей жены, своего театра, своих книг...

Такова моя позиция — назовите ее честолюбием или творческим принципом...

Теперь вернемся к вопросу о задуманном и осуществленном.

Я хотел, чтобы наш театр был общедоступным. Понимаю, что общедоступность — это сегодня еще и цена билетов. Но я хотел, чтобы люди стремились в мой театр.

И они, к счастью, стремятся сюда.

Я хотел, чтобы репертуар нашего театра не повторял афишу ни одного театра Москвы. Чтобы он был уникальным.

Репертуар «Школы современной пьесы» — уникален.

Я хотел, чтобы труппа была крохотная, чтобы в ней не было ни одного безработного, чтобы в театре вообще не было лишних людей.

Так и есть: при том, что в театре две сцены, у нас самая маленькая труппа в Москве. Правда, по прошествии пятнадцати лет я, встречая человека в коридоре театра, вдруг стал задавать себе вопрос: а это кто? Уже не всех помню по имени и отчеству. А совсем недавно знал всех. Так что крохотным свой коллектив уже не назову: сейчас в театре работают 150 человек.

Я хотел, чтоб мы играли спектакли каждый вечер.

У нас спектакли — каждый вечер. Более того, у нас ежегодно по четыре-пять дальних зарубежных гастролей. А ближние — каждый месяц. Откроем любую страницу плана гастролей. Сентябрь:

Израиль, Вологда, Череповец, Пермь, Франция. При этом труппа — четырнадцать человек. Правда, эти четырнадцать — не совсем обычные. Восемь народных! Четыре — заслуженных! И два — молодых, без

званий. Но мы звания не пишем в программе. Тем не менее труппа очень профессиональная.

А я и хотел, чтобы в нашем театре были профессионалы...

Практически все, что я хотел, исполнилось.

Другое дело, что горизонт желаний все время удаляется. И еще: то, что раньше — лет десять назад — восхищало, сегодня кажется банальным...

— Интересно, что же Райхельгаузу кажется банальным?

— Прежде всего художественный уровень работы. Вот мы сделали что-то новое и это — потрясающе, невероятно. Но проходит время — и ты видишь, что это уже обиденно, общепринято, и сегодня так делают многие. Многие — значит, банально...

Не только о творчестве речь — это касается и мироощущения. Если десять лет назад колоссальным событием для нас были гастроли, допустим, в Ригу, Вильнюс и Таллин, то сегодня поездка в Таллин — банальность. У нас есть расхожая шутка, за которой реальный случай. Как-то должны были вести в Америку три спектакля подряд. Один из монтированных декораций, увидев приказ о поездке, уныло сказал: «Как?

Иосиф Леонидович Райхельгауз — художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы». Родился в 1947 году в Одессе. Народный артист России. Женат. Две дочери. Лауреат премии правительства Москвы в области литературы и искусства 2004 года.

Иосиф РАЙХЕЛЬГАУЗ:

МНЕ ВАЖНО, КАК ДЫШИТ ЗАЛ...

Опять в Америку! Вот это «опять в Америку», к сожалению, сидит уже и во мне. Буквально перед вашим приходом мы с директором обсуждали репертуар гастролей в Израиле. Обсуждали как обыденную поездку, потому что в Израиль мы ездим, как в Торжок: показали все наши спектакли...

— В интервью вы нередко говорите, что для вас важно новое, что еще никто не делал...

— Театр сегодня существует в другой ипостаси. Скажем, раньше Таганка и «Современник» обличали власть, отражали процессы, происходящие в общественном сознании. Наш театр направлен внутри человека: мне интересен жизненный опыт, психологическое, даже физиологическое состояние личности. Происходящее на сцене должно отражать мысли и чувства человека. Зритель идет сегодня в наш театр именно для встречи с тем, что мы называем душой.

— Вы наблюдаете за своим зрителем?

— Очень! И я здесь не первооткрыватель.

Когда мы учились у Анатолия Васильевича Эфроса, я любил наблюдать, как он смотрел в глаза людям, приходившим в театр. Я, грешным делом, тогда думал, что он хочет себя показать. А теперь понимаю: он наблюдал за людьми. И теперь я часто делаю то же самое: мне важно, кто пришел в театр. По тому, как люди входят, как осматриваются, какие у них лица — я понимаю, как пойдет спектакль, как будет дышать зал, какая сложится атмосфера. Многие думают, что сцена влияет на зал. На самом деле зал провоцирует сцену на определенные эмоции. Дыхание зала — невероятное ощущение! Как в храме. Как это ни банально звучит, но театр для меня — храм.

— И все-таки кто сегодня идет в ваш театр?

— Недалеко от нас — Институт естествознания, там проводят разные социологические исследования, опросы, в том числе и зрительские. Берут для этого десять, с их точки зрения, наиболее популярных театров Москвы. Наш театр в вопросах есть всегда. И у нас всегда оригинальные показатели. Например, самый образованный зритель, самый молодой. У нас больше всего зрителей-мужчин.

— Мужчин? Неожиданный поворот. Вы пытались это как-то объяснить?

— По-моему, многим мужчинам часто стыдно ходить в драматический театр. У них есть ощущение, что их достоинство там ущемляется. Часто сцена приписывает мужчине далеко не мужские качества: например,

истеричность, пассивность. У сценического мужчины нередко отсутствует стремление к лидерству, к доминированию. Мужчину, как это ни парадоксально, легче уязвить, чем женщину. Неверным словом. Неверным жестом.

Не случайно в наш театр ходит большое количество политиков и бизнесменов. Я понимаю, в газетах пишут, что модный театр. Но для меня главное другое: многих государственных людей, занимающихся большим делом — политикой, экономикой, бизнесом, — привело сюда не праздное внимание, их интересует, чем живет театр.

Мне важно, что наш театр — не забава. Иначе — стыдно.

— Слушаю и одновременно думаю о том, что вы сказали о зрителях-мужчинах: не умалять достоинства мужчины. Вспомнились «Записки русского путешественника» Евгения Гришковца. И ведь действительно, игра Альберта Филозова и Василия Бочкарева отличается именно достоинством. Они путешествуют в детство. В юность. Вспоминают «Амаркорд» по-русски. Но как они делают это! Без надрыда. Только самоирония — высшее проявление личности. При этом один, Бочкарев, открыт больше. Второй, Филозов, более сдержан в эмоциях. Но сквозит эту сдержанность виден сильный характер — он только глубже прятает эмоции. И только после седьмой рюмки наступает разрядка — эмоции выплескиваются в страстном монологе. Но страсть здесь — очень мужская. Никакой истерики... Вы правы, мужчинам, видимо, важна еще и глубина. А ваши спектакли построены именно так: они поднимают из глубин тщательно охраняемые мысли и чувства. Но дело это деликатно...

— У нас очень разные спектакли. Есть сложные психологические, жесткие: З л о т н и к о в, Гришковец, Казанцев. Сегодня мы взяли замечательную пьесу Иона Друца «Вечерний звон» — будет ставить Сергей Юрьевич Юрский. В то же время я совершенно сознательно ставлю музыкальные, легкие по восприятию спектакли, скажем, поставил спектакль «Чайка. Классическая оперетта». Сейчас там Алена Свиридова играет...

— Кстати, об Алене Свиридовой. Известно, что вы смело идете на эксперименты. Но не слишком ли смело на сей раз?

— Ч то тут смелого? Если у вас заболел зуб, вы идете к врачу, которого хорошо знаете. Так и в театре. Люди хотят идти к «хо-

рошему врачу» — актеру, которого они хорошо знают и ценят. На нашу сцену вышел Саша Гордон. Не знаю, как он будет играть, но Гордон для меня очень убедителен на экране телевизора. Свиридова интересна определенной части наших зрителей. Она певица интеллигентная, умная. Хорошо говорит. А как будет выглядеть на сцене — посмотрим. Можно сыграть чуть лучше, чуть хуже. Мне важно, чтобы человек, выходящий на сцену, независимо от условностей театра, был личностью...

— По каким принципам ведете отбор драматургии?

— Сегодня замечательное время: очень много хорошей русской драматургии, хотя многие коллеги жалуются: нет пьес и нечего ставить.

— Видимо, вы читаете то, что не читают другие...

— Я читаю пьесы, присланные на конкурс «Действующие лица», который мы проводим совместно с телеканалом «Культура», Радио России и журналом «Огонек». В прошлом году на нем было представлено около 500 пьес. Было авторитетное жюри: Юрский, Галин, Гришковец, Козак, Купченко, Райхельгауз, Соколянский, Филозов, Фоменко. А вот результат прошлого года: сборник «10 лучших пьес 2003 года». В этом году председатель жюри Галина Борисовна Волчек. Читаем огромное количество пьес. В Санкт-Петербурге провели такой же конкурс, и там победил семнадцатилетний мальчик. Он написал любопытнейшую пьесу о бизнесменах, их охранниках и милиции. Мы ее немедленно взяли. Так что пьесы есть. Было бы время и возможность их ставить...

В этом смысле название нашего театра — «Школа современной пьесы» — программа театра.

— Иосиф Леонидович, похоже, у вас очень насыщенная жизнь...

— У меня жизнь прекрасная! Жаль, быстро проходит.

— Тогда спрошу: «А чей вы, Райхельгауз, во фраке?»

— Ч то это значит? Я, как видите, в джинсах и тенниске...

— А это значит, что у вас нынче зарубежные гастроли по несколько раз в году: Америка, Германия, Израиль, Франция. И театр-то у вас в центре Москвы. И вот-вот начнется строительство нового. И актеры у вас всенародно признанные. И Райхельгауз — это имя. Вы, Иосиф Леонидович Райхельгауз, как сейчас принято говорить, в

шоколаде. Во фраке! А ведь когда-то Райхельгауз был худеньким стройным юношей, мыкался по городам и весям и мечтал о своем театре. И мечта эта казалась ему недостижимой...

— Парадоксальный вопрос. Но, знаете, я об этом думал. И ответил в своей книге «Не верю». Я начинаю книжку с маленькой гласски. Вот первый абзац: «После того как в двадцать с небольшим лет я стал самым молодым режиссером-постановщиком Москвы, выпустил в «Современнике» пару нашумевших спектаклей, снимал на телевидении, преподавал в ГИТИСе и получал от этого, как тогда говорили, «глубокое удовлетворение», жизнь едва не выкинула меня за борт. В один прекрасный день, отовсюду уловенный, лишённый прописки, без какой-либо перспективы вернуться в нормальную московскую жизнь, я лежал на диване в комнате моего друга Руслана Ковалевского, где-то на Ждановской, и смотрел в окно, откуда видна была не Москва даже, а кольцевая автодорога с бесконечной чередой грязных грузовиков и безобразный заводской пейзаж за ней. Думалось только об одном: кем лучше быть — водителем такси или грузчиком?»

А вот последняя фраза книжки: «В четырнадцать лет я жил в Одессе и работал на автобазе газозлектросварщиком. Горячий асфальт, духотища невероятная, я лежу под грузовым автомобилем, а сверху падают капли раскаленного металла. С тех пор прошло черт знает сколько времени, и когда вдруг кажется, все плохо, не вовремя за мной машина пришла или еще как-то «обидели», я стараюсь остановиться и говорю: «Старик, а ты ведь мог бы и сейчас лежать на этом асфальте...»

Но ваша метафора справедлива. Я только что вернулся из Оренбурга — репетировал в театре, где главный режиссер мой товарищ Рифкат Исрафилов. И там со мной произошла поразительная история. У театра были гастроли по области. Они часто выезжают в районы и очень этому радуются. Представляете, главный режиссер — секретарь Союза театральные деятелей, но гастроли по районам — предел мечтаний! Так вот, перед выездом директор театра собрал коллектив и сказал: в деревнях вас накормят, поэтому точные не выдам, нет денег. А я приехал к ним репетировать на два-три дня. И знаете, они принесли мне в пластиковых пакетах огурцы, помидоры, лук, перец и картошку. Я был ошарашен, растроган до слез... Но вдруг вспомнил нашего монтировщика с его сакраментальным: «Опять Америка!» Для них Америка — космос! Для нас ценность — бутылка дорогого виски, которую мы передаем друзьям, коробка бельгийских конфет в золотой фольге. Для них — помидоры с огорода. Между жизнью моего театра и жизнью театра в провинции — пропасть. И мне стало стыдно...

Но так устроена жизнь. Одним фразком достается по наследству. Другие должны к нему пробиваться. Проведите опрос и увидите, что 80 процентов главных режиссеров ведущих московских театров — люди из провинции. Анатолий Васильев — из Ростова-на-Дону. Борис Морозов — из Челябинска. Кама Гинкас — из Вильнюса. Марк Захаров — из Перми. То же самое — с артистами, художниками. Только из моей родной Одессы в Москве пять главных режиссеров! Это нормально. Когда я набираю очередную мастерскую — в ГИТИСе, ВГИКе, — то очень внимательно приглядываюсь к людям из провинции: они прорвались, значит, сильные люди, в них большой потенциал. И, наконец, это значит, что они достойны той жизни, которая у них есть...

Сейчас у меня прекрасное настроение: только что получил престижную премию правительства Москвы в области литературы и искусства в номинации за лучшую режиссуру, за спектакль «Город», а мой замечательный актер Саид Багов — за исполнение главной роли в этом спектакле. В ознаменование Дня города эти премии нам вручил Юрий Михайлович Лужков. Должен заметить, что для российской режиссуры эта премия престижна не менее государственной, потому что в Москве колоссальная конкуренция. В этом году выдвигались работы крупнейших режиссеров. И то, что премия получил я, считаю большой удачей. Мне нежале жаловаться на свою жизнь. Да, Райхельгауз во фраке, но этот фразок я сшил сам...

Беседовал
Леонид ГОВЗМАН
Фото автора